

А

Принцесса

Н

Г

и

Н

а

Перевод Надежды Бунтман

Ролан Топор

18+

Ролан Топор

Принцесса Ангина

«Самокат»

1967

Топор Р.

Принцесса Ангина / Р. Топор — «Самокат», 1967

ISBN 978-5-00-167837-3

Enfant terrible, который отказывался воспринимать жизнь всерьез. Он мечтал быть богом, а стал писателем, художником, сценаристом, драматургом, актером. Да кем он только не был, всегда при этом оставаясь самим собой. Многоликий и неуловимый Ролан Топор — писатель-сновидец, инаковый — не по собственному желанию, а в силу обстоятельств, по воле людоедской истории, которой нет дела до человека. Всю жизнь он будет перепредумывать историю — частную и коллективную. Всю жизнь Топор будет ткать собственный миф из обрывков снов и тошнотворной реальности, создавать тонкое, невесомое полотно с непонятными и причудливыми узорами. «Принцесса Ангина» — сказка, в которой нет ни намека, ни морали. Ведь и то и другое — ужасно скучно. Только абсурд, только химеры воображения, грозящие выпрыгнуть со страниц. Читайте, если осмелитесь. Но если ничего не поймете, не вздумайте пенять на это автору. Не его работа толковать сновидения, его работа — их запечатлеть.

ISBN 978-5-00-167837-3

© Топор Р., 1967

© Самокат, 1967

Содержание

От автора	6
От художника	7
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ролан Топор

Принцесса Ангина

© Buchet/ Chastel, 1967

© Buchet/ Chastel, un department de Meta-Editions

© Бунтман Н., перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом „Самокат“», 2026

От автора

Если маленькая девочка болтает не так, как пристало разговаривать маленькой девочке, то, скорее всего, она и не девочка вовсе. И вполне может оказаться кем и чем угодно, даже хворью, а хворать никому не по душе. Хотя если болезнь доброкачественная, можно с ней свыкнуться и перевести в разряд хронических.

Разумеется, тут следовало бы без промедления обратиться к специалисту, но мы, как правило, решаемся на это слишком поздно...

Я вот бросил курить, но от этого мне не стало лучше.

От художника

Непросто изобразить персонажей, если толком не знаешь, девочки они или болезни. Вконец отчаявшись, художник решил изобразить саму загадку, а не предлагать разгадку. Поэтому он нарисовал картинки, весьма напоминающие ребусы XIX века, и в частности те, что рисовал Мориссе.

Глава первая

Дорога была розовая, с белыми лужами. По обочинам торчала мокрая трава. Между ветками кустов пунктирами из капелек прорисовывались паутинки. Вдоль края канавы тяжело двигалась улитка.

Справа виднелся луг, плавно спускавшийся к ручейку шириной не больше ладони. При подсчете деревьев обнаружили пять ив и два орешника.

Внизу стоял серый домик, а дальше всякие непонятные объекты вроде каких-то развалин, водяной мельницы, сада с огородом, горы, а что было за горой, вообще никому не ведомо.

Слева все было еще проще: распаханное поле на сколько хватало глаз. Если приглядеться, комья земли были разной величины, да и разных, к тому же, оттенков, а впрочем, ничего особенного тут, в сущности, не наблюдалось.

То ли из-за освещения, то ли из-за дождя дорога скрывалась из виду еще до линии горизонта. Может, она сворачивала вбок? Или шла дальше все прямо и прямо? Чтобы разобраться, надо было по ней пойти.

Джонатан осторожно коснулся ногой водной глади. Кусочки его отражения на мгновение разбежались, но потом вновь соединились, чтобы воссоздать портрет светловолосого юноши огромного роста, одетого в джинсы и бежевую рубашку с открытым воротом. На по-детски круглом лице – глаза чуть навывкате, наполовину скрытые светлой челкой, и большой полногубый рот.

Отражение снова зарябило: в воду шмякнулся плевок.

Джонатан вытащил из кармана джинсов смятую пачку «Голуаз» с одной сломанной сигаретой. Он взял в рот обе части и, щурясь от огня, одновременно прикурил их от ржавой зажигалки. Затем скомкал пустую пачку, подкинул ее и метким пинком отправил в канаву, где она закончила круговерчение, ударившись о камень.

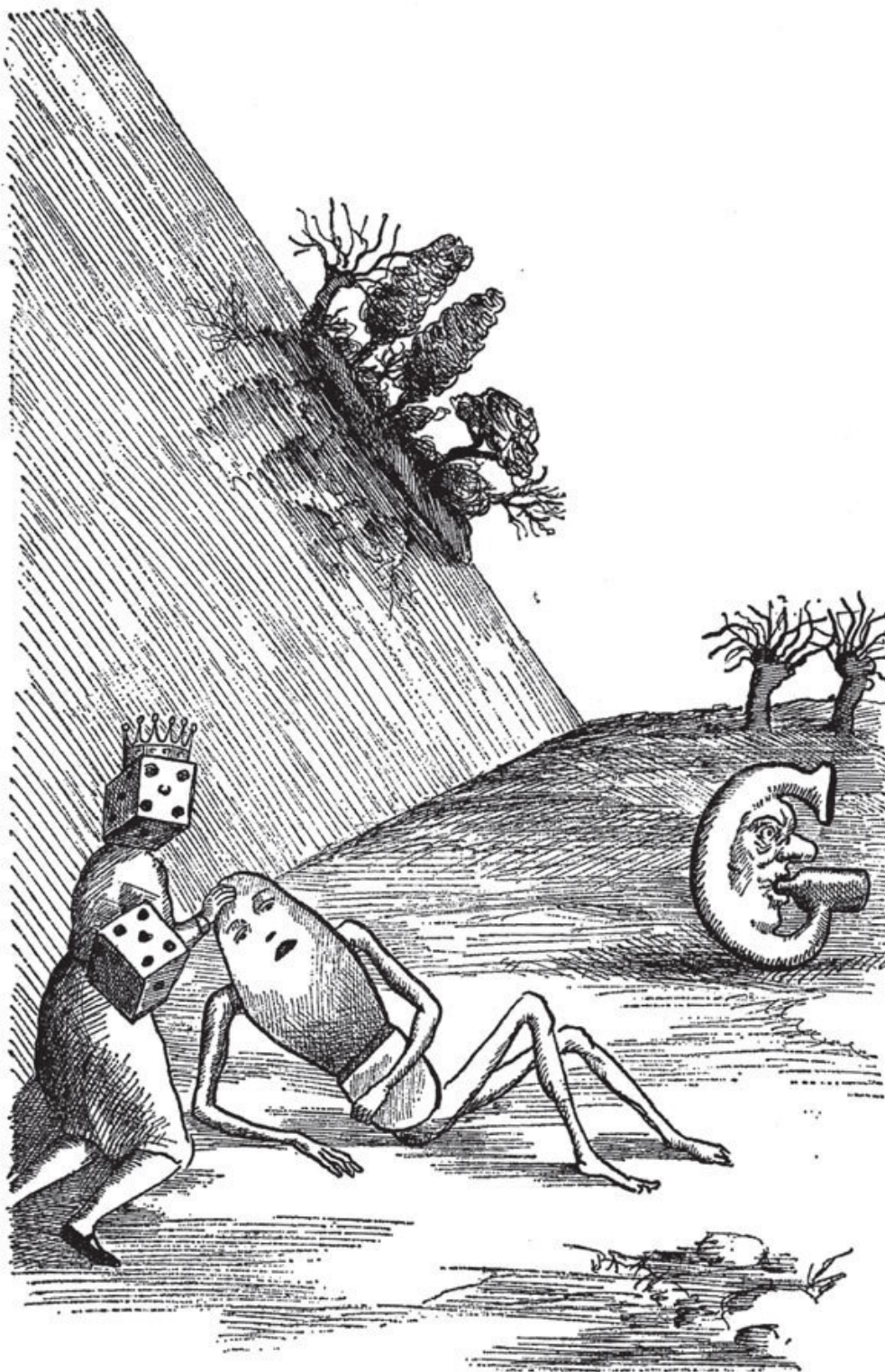
Сзади кто-то просигналил.

Он обернулся и, прежде чем упасть, успел лишь заметить слоновью тушу.

Когда Джонатан открыл глаза, небо было по-прежнему далеким и белым. Что-то ползло по шее. Он машинально шлепнул себя – девочка рассмеялась.

На вид ей можно было дать лет десять. Женственно красивая, рыжая, с зелеными глазами. Вишневое платье помято и все в грязи. На голове – корона из золотой бумаги, вроде тех, какие прилагаются к пирогу на Праздник волхвов.

– Ничего с вами не случилось, и нечего валяться, никто вас не пожалеет!

– Как он, Принцесса? – осведомился хриплый голос. – Расшибся? Без этих раскиданных повсюду противных волос и пятен крови пейзаж был бы значительно живописнее!

– Крови нет. Можете подойти поближе, Канцлер. Кое-кто желает привлечь к себе внимание и притворяется тяжелораненым, хотя руки-ноги у него целы.

– А вдруг он вражеский шпион?

– Непохоже.

Джонатан осторожно приподнялся, оперся всем телом на вывихнутую лодыжку и со стоном рухнул на землю.

Коренастый старик присел на корточки рядом. Его лицо будто избородили горные кряжи, а по густоте пунцового цвета оно могло поспорить с закатным солнцем. От Канцлера за версту разлило вином.

– Не выношу вида крови. Ничего не могу с собой поделать. Конечно, для мужчины, а тем более моего возраста, это просто курам на смех. Но ничего не попишешь, у меня такое с детства. Однажды матушка поранила себе большой палец штопором: я привел ее к лекарю, чтобы тот наложил повязку, и вообразите, не она, а я потерял сознание!

– Не раскрывайте наших секретов, Канцлер. Может, он все-таки шпион. Сударь, вы шпион?

– Не думаю, – с трудом выдохнул Джонатан.

– Если вы мне солгали, берегитесь! Я этого так не оставлю! Она сочувственно наклонилась над юношей и с вывертом уцепила его за ногу.

– Это еще цветочки по сравнению с тем, что вас ждет, если вы скрываете от меня правду. Она прыгнула обеими ногами в лужу и обрызгала лицо раненого.

– Мне кажется, он не врет, – заявил пьяница. – Что у вас в карманах?

– Джинсов?

– Ну да, покажите.

Джонатан принялся вытаскивать свои пожитки. Расческа с выпавшими зубьями, ржавая зажигалка, старый бумажник из змеиной кожи с ободранными чешуйками, кроличий зуб, пластмассовое кольцо, фотография из журнала, изображавшая голую по пояс женщину, и монетки из разных стран. Венцом коллекции оказалась зубная щетка, заткнутая за ремень.

Малышка со стариком пристально изучили разложенные перед ними предметы. В конце концов, ко всеобщему разочарованию, Канцлер заключил, что вещи не волшебные и Джонатану разрешается взять их обратно.

– Меня зовут Ангина, – сказала девочка. – Я принцесса, а он – мой канцлер, маркиз де Витамин. Я – настоящая принцесса.

– А я Джонатан.

– А-а-а...

Принцесса Ангина засунула указательный палец себе в левую ноздрю и задумчиво в ней поковырялась.

– Что бы нам с ним сделать, Маркиз? Можно разрезать его на мелкие кусочки и разбрасывать по дороге, чтобы не потеряться на обратном пути.

– Или погрузить с головой в чан с вином и посмотреть, сколько литров он вытесняет.

– Или выпотрошить и набить перьями, чтоб взлетел.

– Или заставить его съесть столько сыра, чтобы он сам превратился в одну большую дырку.

– Или велеть ему петь государственные гимны, пока он не станет государственным флагом.

– Или обнять его так крепко, чтобы растаял от умиления.

– А что, если превратить его в облако и заставить пролиться дождем?

– Или довести его до кипения, чтобы он вспотел.

– Или взять его с нами...

– С нами? Что это вам вздумалось! Он недостоин!

– Разумеется, ему придется сдать самый сложный вступительный экзамен.

– Послушайте, вы ведь не можете меня бросить посреди дороги, – запротестовал Джонатан. Я вывихнул лодыжку и неспособен идти дальше.

Лежа на земле, он видел все по-новому. Трава была теперь на переднем плане. Горы исчезли вместе с ивами. Остались видны только орешники, хотя они тоже отодвинулись.

Ноги у девочки были все забрызганы. Под ровным слоем грязи на коленках угадывались болячки и ссадины. Расстегнутый ремешок одной из сандалий свободно болтался.

У Канцлера нижняя часть брюк выглядела не лучше: она вытерлась до бахромы и от нашлепок грязи стояла колом. Ботинки все растрескались, отчего, вероятно, существенно снизилась их непромокаемость.

– Я здесь никого не знаю, – снова встрял Джонатан, – вы не можете меня оставить!

– Тихо, тихо, перестаньте! Вы обожаете, когда с вами нянчатся. Вы, наверное, исключительный студент!

– Не вижу связи.

– Молчите и слушайте внимательно. Ангина уселась прямо в лужу. Платье начало пропитываться влагой и темнеть.

– Как насчет того, чтобы сдать вступительный экзамен? Если у вас получится, мы, так и быть, вас возьмем. Но только в случае положительной оценки. Количество мест ограничено. При всем желании мы не в состоянии подбирать всех, кого давим. Говорят, что с животными много хлопот. А с людьми? От них шум, грязь, они ненасытные и невыносимые. Вы согласны?

– Согласен.

Тут Канцлер спохватился:

– Мамачки! Фургон! Я так резко затормозил, что багажные ремни, видимо, оторвались. Бедные кролики! Их, наверное, расплющило! Моя белая мышка! Только бы ее не придавило маятником! Ой, фотографии! Если бутылки разбились, они намокнут! Ой, пластинки! Наверное, все поцарапались! Ой, посуда! Вдребезги, наверное, разлетелась, на мелкие осколки! Ой, красные рыбки! Побегу наводить порядок.

Джонатан перевернулся на бок, проводил его взглядом и обнаружил грузовик.

Он не ошибся: это был старый рекламный грузовик в виде огромного слона. Цвета давленной клубники. Сбоку красовалась надпись черными буквами:

«НИЧЕГО ПРЕКРАСНЕЙ ТУНЦА В МАСЛЕ»

Старик доковылял до задней двери, открыл ее позолоченным ключом и исчез внутри.

– Разглядываете нашу ламу?

– Нет, смотрю на слона.

– Хотите сказать, на крокодила?

– Нет, на слона-грузовик.

– А, интересуетесь окапи!

– Да нет же, слонем, вон там, на дороге.

– Бестолковщина, – возмутилась Ангина, – слон – запретное слово! Ругательство. Надо говорить не «слон», а «мышка».

– Но это не одно и то же!

– Откуда вы знаете? Цвета одинакового, серого или белого. Оба млекопитающие и травоядные.

– Зато у них и строение разное и размеры не совпадают!

– Маленький слон все равно слон, что правда то правда, а большая мышь все равно мышь. Следовательно, размер ни при чем. А что касается формы... тут можно и ошибиться. Если внимательно приглядеться, они похожи как две капли воды.

– Ну, это вы хватили!

– Да вы просто не желаете как следует присмотреться. Быстро моргайте и получите ощущение полного сходства. Вот послушайте:

«Большие
Указательные
Средние
Безымянные
Мизинцы

} вверх!» –

вскричал бандит, не способный к обобщению.

Этот анекдот очень сложно рассказывать! Немедленно приступим к экзамену. И не вздумайте приставать ко мне в отсутствие Маркиза. У меня черный пояс по карате.

Джонатан задрожал от страха.

– Обещаю быть паинькой, к тому же я не могу двигаться.

– Тем лучше. Отвечайте: чтобы наполнить ванну, необходимо пятнадцать минут и десять секунд. В чем сложность задачи?

– Дно дырявое?

– Неверно, ставлю вам кол, никуда не годится. Вода еле течет. Кем бы вы хотели стать: слепым, безруким или сердечником?

– Затрудняюсь сказать...

– Выбирайте.

– Слепым.

– Не угадали! Назовите три притока реки Амур.

– Не знаю.

– Наконец-то правильный ответ! Лучше поздно, чем никогда. Я хорошенькая?

– Очень.

– Почему?

– Потому что... потому что у вас очень красивые глаза.

– Точно. А еще?

– Носик точеный.

– Конечно. И все?

– Ротик не большой, не маленький, в самый раз и ярко-красный.

Ангина восторженно захлопала в ладоши.

– Браво, браво, я вас обожаю! Она вскочила на ноги, бросилась к Джонатану и расцеловала его.

– Вы сдали! Маркиз! Канцлер!

Канцлер возник в проеме дверцы грузовика с бутылкой вина в руке.

– Принцесса, вы меня звали?

– Он сдал, мой милый Маркиз, и он поедет с нами. Помогите его перенести.

С помощью Маркиза Джонатан забрался в грузовик. В полумраке обозначились наваленные грудой вещи. Еще там стояли две одноместные кровати, причем на той, что побольше, три белых кролика доедали письма и конверты.

Ангина согнала их, чтобы уложить Джонатана.

– Надо бы купить другую кровать, – проворчал Канцлер. – Но где взять денег?

– В Королевской Казне.

Канцлер побагровел от гнева.

– Ни под каким видом. Строго-настроено запрещаю. Я – хранитель наследства и хочу, чтобы к нему никто не прикасался до вашего совершеннолетия.

– Бедный де Витамин, вы сами не знаете, что говорите.

Одной вещью больше, одной меньше, какая разница?

– Огромная.

Канцлер поднес бутылку ко рту и отхлебнул из горлышка.

– Потеряй вы наследство, ваш дядюшка не станет заниматься вашим образованием, а вам потом понадобится приданое для свадьбы. Эти вещи надо беречь как зеницу ока, которое видит, что зуб неймет. В противном случае ваши противники не преминут воспользоваться данной ситуацией и станут утверждать, что вы разбазариваете сокровища королевства. Они настроят народ против вас, и корона вам улыбнется.

– А у тебя нет денег?

– Пенсию не успели начислить. У меня осталось ровно на еду и на бензин. А потом, глядишь, ваш дядюшка поможет.

– Разумеется, мой славный Маркиз, вас не забудут. Дядюшка будет выплачивать тебе столько, что на пенсию ты сможешь купить себе новые покрышки. Джонатан, мне кажется, я видела какую-то купюру в вашем бумажнике?

Джонатан протянул ей желаемую банкноту.

Через некоторое время грузовик тронулся.

Молодой человек тут же уснул, а Принцесса вполголоса принялась читать наизусть басню об адмирале, которого забыли на складе.

Глава вторая

Чья-то рука тронула Джонатана за плечо. Он открыл глаза и увидел, что еще не рассвело.

– Как вас зовут? Я забыла ваше имя.

– Джонатан.

Это оказалась Ангина. Она прошептала:

– Не шумите, Джонатан, по-моему, они бродят где-то поблизости.

– Кто?

– Враги короны. Канцлер спит в кабине на сиденье. Мне страшно.

– Не бойтесь, я с вами.

В полной тишине казалось, что девочка ужасно громко дышит. Этот шум сопровождался тиканьем то ли пяти, то ли шести часов, лежащих в кузове.

– Джонатан...

– Что?

– Меня вырвало.

– Что???

– Мне стало плохо, и меня вырвало. Но теперь мне гораздо лучше. Это, наверное, из-за мороженого. Я съела четыре здоровенных пломбира, как раз перед тем, как мы вас раздавили. Точно, это все пломбир.

Джонатан поставил здоровую ногу на пол и попытался шагнуть, наступая на больную. Получилось.

– Как тут зажигается?

– Подождите, сейчас я встану.

Он услышал, что она куда-то пошла, затем вспыхнул свет. Ровный свет исходил от лампы, стоявшей за грудой мебели, покрытой чехлами. Бледное личико Ангины и круги под глазами выдавали ее недомогание. Постель была вся запачкана. Ангина виновато смотрела на Джонатана.

– Я объелась мороженым?

– Вероятно. Помогите мне сменить белье. Куда деть грязное?

– Положите на травку. Завтра Маркиз постирает.

– А чистое у вас есть?

– Должно быть в комоде.

Джонатан сменил белье. Девочка чрезвычайно внимательно и серьезно наблюдала за тем, как он суетится. Когда все было сделано, она спросила:

– А как ваша настоящая фамилия?

– Она непроизносима.

– Ну скажите, Джонатан...

– Пжесчирадло. А теперь на бочок.

– Красивая фамилия. Но у меня ведь тоже необычная, правда?

– Правда. Не желаете раздеться и лечь в кровать?

– Я не разделась перед сном, потому что вы были рядом.

– Я могу выйти, если вы стесняетесь.

– Не надо! Теперь это не имеет значения, потому что я вас знаю.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Она погасила свет, разделась в темноте и нырнула в кроватку. Джонатан ощупал свою щиколотку. Она раздулась и горела. Понадобится немало времени, чтобы он смог нормально ходить.

– Джонатан...

– Что?

– Хотите сигаретку?

– О да, – вздохнул он.

– Подождите, сейчас принесу.

И действительно, спустя некоторое время она подошла к его кровати.

– Откройте рот, я вам ее попробую вставить.

Он быстро закрыл глаза, чтобы навечно не остаться слепым. Кончик сигареты сначала воткнулся ему в левую ноздрю, затем проехал по щеке, подполз к волосам... Девочка нетерпеливо сопела.

– Я заблудилась. Где ваш рот?

– Вы забрались слишком высоко. Идите на звук.

– Сюда?

– Нет, это уши.

– Сюда?

– Нет, нет, ниже.

Внезапно сигарета воткнулась в рот и уперлась в горло. Он чуть не задохнулся и вынужден был встать, чтобы прокашляться. Ангина хохотала как безумная.

– Извините, я не нарочно.

Джонатан зажег сигарету. В отблеске пламени он разглядел тоненькую фигурку, скользнувшую под одеяло. Он докурил, аккуратно затушил окурочек и моментально уснул.

Проснулся он от сильной тряски. Грузовик пофырчал и замер. Дневные лучи проникали через распахнутую дверцу. Джонатан затравленно оглянулся. Вокруг царил неописуемый беспорядок. На полу валялась старая одежда, кухонные принадлежности соседствовали с рваной обувью. В буфете среди ключев пыли покоился надкусанный батон. В темных углах ему чудилась какая-то возня. Девочка со стариком, судя по всему, перебрались вперед.

Джонатан с трудом оделся: мешала больная лодыжка. Он даже не мог прыгать на одной ноге, малейшее движение причиняло ему боль.

Тут показалась голова Канцлера.

– Прокол, – произнесла голова. – Вам случайно не попадалось запасное колесо?

– Нет.

– Значит, я его еще куда-то положил.

Голова исчезла. Настал черед Принцессы. Достоинство и грация больше говорили о ее высоком происхождении, чем бумажная корона, которая, кстати, вид имела весьма плачевный. По выражению лица никак нельзя было догадаться о событиях прошедшей ночи. Принцесса лукаво улыбнулась.

– Я запомнила вашу фамилию. Писраadlo.

– Не совсем, но почти.

– Прокол, – сказала она обиженно. – Маркиз меняет колесо. Знаете, что он мне заявил позавчера? Что не желает больше есть жареную курицу, а только мокрую. Хотите поехать с нами на переднем сиденье?

– С удовольствием, но я не могу передвигаться, очень распухла нога.

– Немного скромности вам бы не повредило. Угадайте, что мне сегодня приснилось?

– Не представляю. Мороженое?

Она прыснула.

– Какой вы противный! Ничего мне не снилось, по-моему, ежику понятно.

Она потянулась к нему, будто для поцелуя.

– Посмотрите, правда, у меня зеленые глаза? А когда мне что-нибудь снится, они ярко-гранатовые. Все очень просто. Проголодались? Тогда у меня для вас сюрприз.

Канцлер поменял колесо и помог юноше выбраться из грузовика, стоявшего на обочине дороги. Поблизости журчала река. Коровы на лугу созерцали слона с мрачным любопытством. В чистом небе солнце сияло, но не грело.

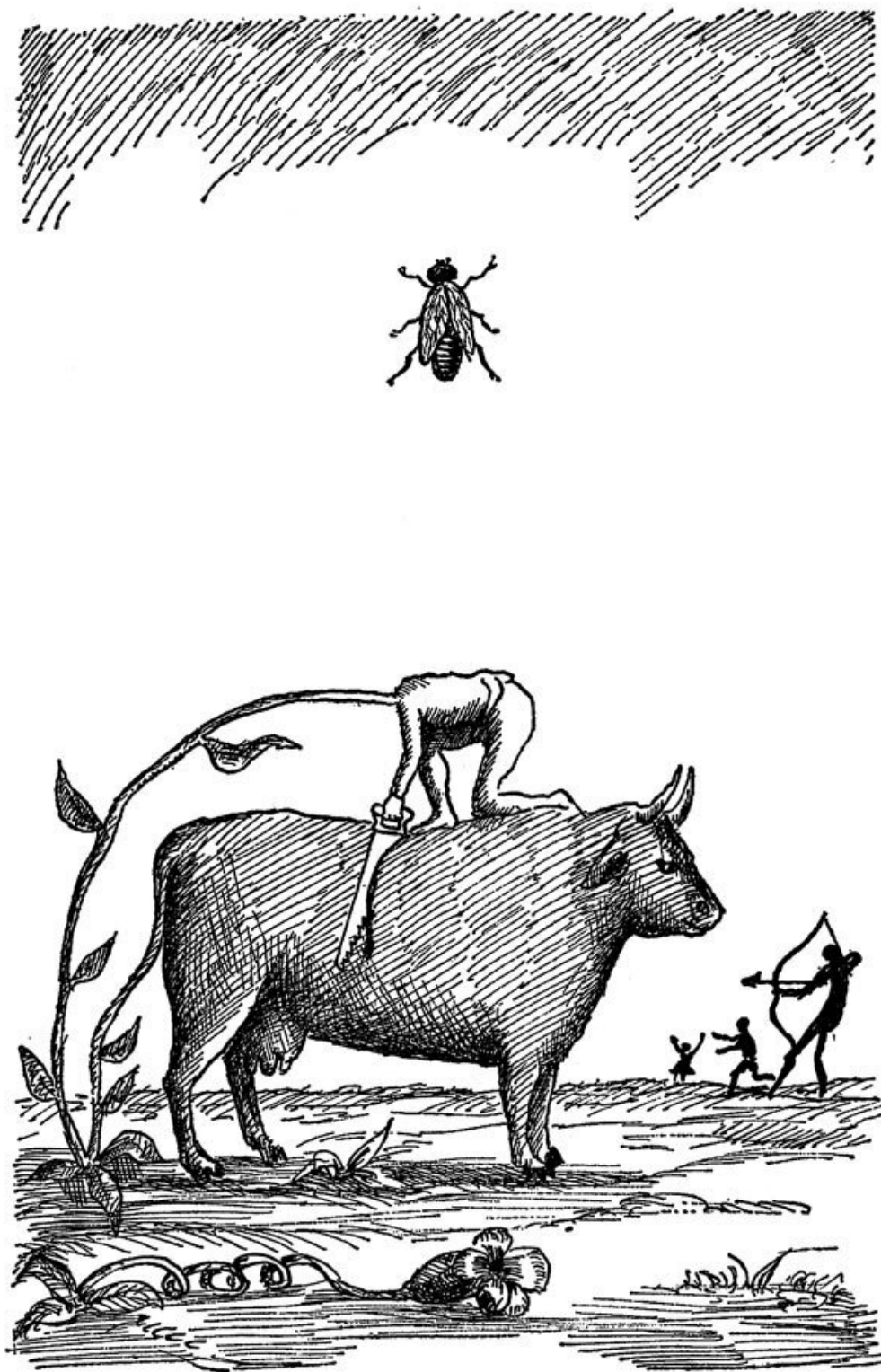
– Вот, – закричала Ангина, указывая на коров, – молоко и мясо на завтрак. Разделайте нам любую. Мы вас дожидались целое утро и умираем от голода.

Она протянула Джонатану кухонный нож.

– Вы хотите, чтобы я убил корову?

– Вы проголодались или нет? Сказали же, что да. Тогда что вас смущает? Думаете, мясо жесткое? На мой взгляд, оно должно быть нежным. Как вы считаете, Канцлер?

– Полагаю, оно отменного качества. Если приготовить говяжью вырезку как следует, на это дивное блюдо набросятся даже мухи. А ведь мухи – твари исключительно разборчивые! Прошу заметить, Принцесса, животные могут оказаться ядовитыми. В нашем положении мы обязаны проявлять особую бдительность.

– Было бы разумнее поесть в ресторане, но все равно рискованно. У некоторых поваров даже меню пропитано ядом. Впрочем, у нас нет денег. Ну, Джонатан, решайтесь. Уже начало первого.

– А разве сегодня не пятница? – неожиданно спросил Канцлер.

Все дружно посчитали на пальцах. Предположение подтвердилось.

– По пятницам мясо пахнет рыбой, – объяснил Канцлер, – а я рыбу терпеть не могу.

Компания удовольствовалась сухим молоком и тунцом в масле. Еды достало бы на десять человек. После этого все разместились на переднем сиденье и двинулись в путь.

Места хватило всем троим. Сиденье было вполне удобным, хотя и не слишком уютным: резина вся потрескалась, и на грязно-зеленом покрытии проступали белесые проплешины.

Пол был устлан мусором разной степени затоптанности. Когда грузовик подпрыгивал на ухабах, внизу перекачивались предметы цилиндрической формы: бутылки, консервные банки и алюминиевые кружки.

Невыносимо пахло бензином. Постепенно привыкли и к запаху, и к тарахтению мотора.

Малышка сидела между водителем и Джонатаном. Она, видимо, недавно вымылась, поскольку на ушах еще не высохла мыльная пена, и причесалась, о чем свидетельствовала не такая взлохмаченная, как накануне, рыжая шевелюра, однако в сущности девочка не слишком изменилась. Платье напоминало жеваную тряпку, а носочки – замызганные бинты. Порванный ремешок на сандалии никто не починил.

Старик выглядел не лучше.

Отросшая щетина немного сгладила рытвины на лице, зато покрыла его неопрятной тенью. Он тоже не очень изменился. На нем по-прежнему были надеты коричневый костюм в тонкую светлую полоску, белая хлопчатобумажная рубашка и черный вязаный галстук. То есть еще угадывалось, что когда-то его одежда была именно такой.

Канцлер вел машину поразительно неровно. Он то гнал как бешеный, то без всякой видимой причины тащился, словно ожиревший пешеход. Иногда он резко тормозил, а порой круто поворачивал, якобы объезжая препятствия. Каждый раз, переключая скорости, он отпивал из горлышка бутылки, стоявшей по правую руку.

Все это изрядно изматывало нервы.

– Куда вы едете? – спросил Джонатан, не сводя глаз с дороги.

– К моему дяде, – ответила Ангина. – Поскольку вы задали мне один вопрос, я имею право на семь. Если не ответите, я вас высажу.

– Нельзя ли отложить вопросы на попозже, я немного устал?

Принцесса заговорщицки взглянула на Канцлера, а он в свою очередь ей подмигнул, что оказалось весьма рискованно: грузовик занесло влево, и он чуть не задел несшийся навстречу автобус.

– Отвечать на какие-то жалкие семь вопросов он, видите ли, утомился, хотя самому придумывать и задавать вопросы у него сил хватает! Между тем гораздо сложнее сочинять вопросы, чем на них отвечать!

За тирадой последовало долгое обиженное молчание. В конце концов Джонатан сдался.

– Я отвечу, если Канцлер будет смотреть на дорогу.

– Не волнуйтесь, он не станет за нами подглядывать. Я завяжу ему глаза.

– Нет, нет, не стоит. Я и так отвечу.

– Первый вопрос: воняют ли копыта у кентавров?

– Только если они не моются. Кентавры, соблюдающие правила гигиены и ежедневно принимающие ванну, не издают никакого неприятного запаха.

– Слышите, Канцлер? И бросьте рассказывать сказки, будто вы кентавр! Второй вопрос: сколько времени в часах?

– В зависимости от обстоятельств. Чтобы узнать точное количество, следует обратиться к часовым, которые на них стоят. У них самые верные сведения.

– Третий. Какой масти была белая лошадь Генриха Четвертого, а заодно скажите, каков цвет лица всадника?

– Генрих Четвертый позеленел от страха, а его конь покраснел от стыда. Или наоборот.

– Четвертый. Когда садовник бывает предателем?

– Когда он продает настурции.

– Пятый. Правда ли, что одно ухо у нас предназначено для французской речи, а другое – для английской?

– Правда, если вы одинаково хорошо владеете обоими языками.

– Шестой. Вы негодник?

– К сожалению, да. В минуты негодования.

– Седьмой. Когда звонят во все колокола?

– Никогда, потому что в овсе колоколов нет. Как, впрочем, и во ржи, и в пшенице.

Канцлер выпустил руль и захлопал в ладоши. Грузовик занесло в придорожные кусты. Старик не дрогнув снова спокойно взялся за баранку.

– Мой мальчик, вы достойно вышли из положения. Я кое-что понимаю в мужчинах. Вы далеко пойдете. Именно такие люди необходимы Принцессе, чтобы раскрыть гнусный заговор, который плетут подлая госпожа Гужина и угрюмый Кольбертов заодно с Герцогиней Бисквитти, Маркграфом де Грюйер и их головорезами. Эта клика злодеев протянула свои щупальца по всему нашему любимому королевству. Обманутый, униженный, возбужденный народ восстал. Вы ведь знаете, как это происходит. Скоро туда же полезут мыслители, потом ученые, и начнется анархия. Накажут виновных, откроют школы, музеи – и воцарится мерзость. Конечно, Принцесса по-прежнему популярна. Ей достаточно было сказать одно слово, и власть осталась бы в ее руках. Но какое слово надо было произнести? Непросто говорить с неграмотными! Они могли неправильно его истолковать, обидеться, рассердиться. Нет, поверьте, лучше было промолчать и уйти. К тому же я, как вам известно, абсолютно не переношу вида крови. Особенно своей! Маркграф и Герцогиня, которых подговорили Гужина и Кольбертов, ловко воспользовались ситуацией. Они набросились на Принцессу, ограбили ее, сломили, уничтожили и лишили меня куска хлеба. Я слишком слаб для борьбы с ними. В свое время я бы гордо принял брошенный ими вызов. Но кого я смогу сейчас победить, с моей пенсией и варикозом? Зубы гнилые, живот надутый, утром еле разлепляю глаза, будто в них крошки насыпали, все кости скрипят. К сладостям начал испытывать постыдную страсть. В каждом населенном пункте я бегу на почту, пытаюсь получить пенсию. Увы. Я либо не успеваю, либо опаздываю. Если вас, молодой человек, тронул хотя бы один слог моей речи, то нам мог бы представиться случай скрепить узы нашего братства бутылочкой вина. Ну что?

– Давайте.

Канцлер остановил слона и принялся испускать нечеловеческие крики.

– Это он так радуется, – пояснила Ангина. – Совсем забыл, как себя вести. От счастья его может хватить удар. Срочно скажите ему какую-нибудь гадость.

– Канцлер, – завопил Джонатан, стараясь перекричать пьяницу, – единственный слог, который мне нравится, это слог «нет».

Канцлер утомился и обрел свой обычный цвет, то есть кирпично-красный.

– Не понимаю, что на меня нашло, – проговорил он, удивленно оглядываясь вокруг, – вероятно, причудился кошмар.

– Остановите у табачного ларька, – попросил Джонатан, как только грузовик тронулся, – я куплю сигарет.

– А я обменяю пустые бутылки на полные.

– Напомните мне купить травы кроликам, – встряла Ангина. – Придорожная трава оказалась такая невкусная, что они теперь холодные и не двигаются.

– Как? Кролики? Казна тает на глазах. Я ничтожество, заслуживающее пинка.

Грузовик свернул с дороги и наткнулся на телеграфный столб с надписью «Добро пожаловать в Лурд». К счастью, слоновий хобот смягчил удар. Пьяница повернул грузовик и въехал в некое подобие города.

– Я ничтожество, – пробормотал он, сжав челюсти, – но я обещаю найти табачный ларек!

Глава третья

Джонатан курил сигарету, лежа на кровати. Грузовик стоял перед зданием почты, куда Канцлер направился в сопровождении Ангины в надежде наконец-то получить пенсию.

Рядом лежала куча старых открыток и писем. Он взял небольшую стопку. Везде отправители были разные, но адресат, что удивительно, – один: господин Сквозняк – 3412.

На обороте открытки, изображавшей белокурого малыша, сидящего на чем-то вроде трона, Джонатан прочел:

«Любезный друг, надеюсь, Вы позволите мне обратиться к Вам подобным образом, а не называть Вас сударыней или сударем, что чересчур витиевато; итак, любезный друг, спешу сообщить Вам, что я – Розель, одна из сестер Бабилас, и заодно передать Вам горячий привет. Хочу уведомить, что в тот день мы с моими одиннадцатью сестрами делали уроки в классной комнате, когда на пороге появился Их Высочество.

– Дети мои, – сказал он, – то, что я поведаю, принесет вам и радость, и печаль. Одна из вас обрадуется, другая опечалится. У тебя, Розель, очень красивый почерк: нарежь двенадцать полосок бумаги и напиши на каждой какое-нибудь существительное. Сложи бумажки в корзину, а самая младшая, Розалинетта, будет их вытягивать по очереди.

Что же Вы думаете, мой друг, мне досталась радость, а Розальбе – печаль. Обнимаю. Розель».

Джонатан почесал в затылке и задумался над только что прочитанным текстом. Отложив его, он взялся за длинное письмо с расплывшимися от сырости буквами:

«Дорогой Сквозняк, как ты поживаешь? Как дела у несчастного Колибри? Тебе нездоровилось, и я буду рада, если ты сообщишь мне, что идешь на поправку, я ведь так люблю вас обоих. Передай привет от Пармской Фиалки Шоколадному Муссику, от Котика – двенадцатилетней девочке, той, помнишь, у которой был братик Ванечка, от Ромы и Машки – Хвое Туи, от мадемуазель Стрекозель – Бараньей Ножке, от Майи Неза – Ане и Мии, от Притока Дуная – Сплетенному Венку, от Подснежника – графине Босоножке, от Фьяметты – смешному Кукушонку в капюшоне, от Отпрыска – мисс Траль, от Электры и Провода – Барби и Кентавру, от Али Гатора – Адмиралу Футы-Нуты, от дедушки Хрена – внучке Фигушке...»

Джонатан решил на этом остановиться. Ему показалось, что соседняя открытка написана сравнительно недавно. На картинке сидящие в лодке юноша и девушка сжимали друг друга в объятиях, а на морской глади отражалась луна в форме сердца. Необычное послание на обороте предназначалось все тому же Сквозняку:

«Впервые целуем, любим, нежно обнимаем, выражаем дружеские чувства, помним, ждем руку, протестуем. Вера, Дуня Вениева, Марка Гашеная и Начинка Шоколадная».

– Я так и думала, что вы шпион! – воскликнула Ангина, неожиданно вставшая за спиной Джонатана. Вы роетесь в моих вещах! Так знайте, сударь, что вы попали в ловушку и будете расстреляны!

– Простите мою бестактность, но без вас я скучал, а письма попались под руку... Впрочем, я не понял ни единого слова.

– Разумеется, вы же считаете себя умнее всех на свете. А письма-то волшебные.

– Кто такой Сквозняк? Ваш отец?

– Бесполезно задавать мне вопросы, я на них все равно не отвечу. Хотите увидеть, как действует волшебное письмо?

– С удовольствием.

– Тогда подождите. Мне надо пойти набрать воды. Тут рядом есть фонтан. Я сейчас приду.

И действительно, Ангина вскоре вернулась с кастрюлей воды и принялась разогревать ее на спиртовке. Когда вода закипела, она что-то туда бросила.

– Теперь я покажу вам, как надо делать. Она вытянула из стопки письмо и начала читать вслух:

РУСАЛКА ЮЖНАЯ

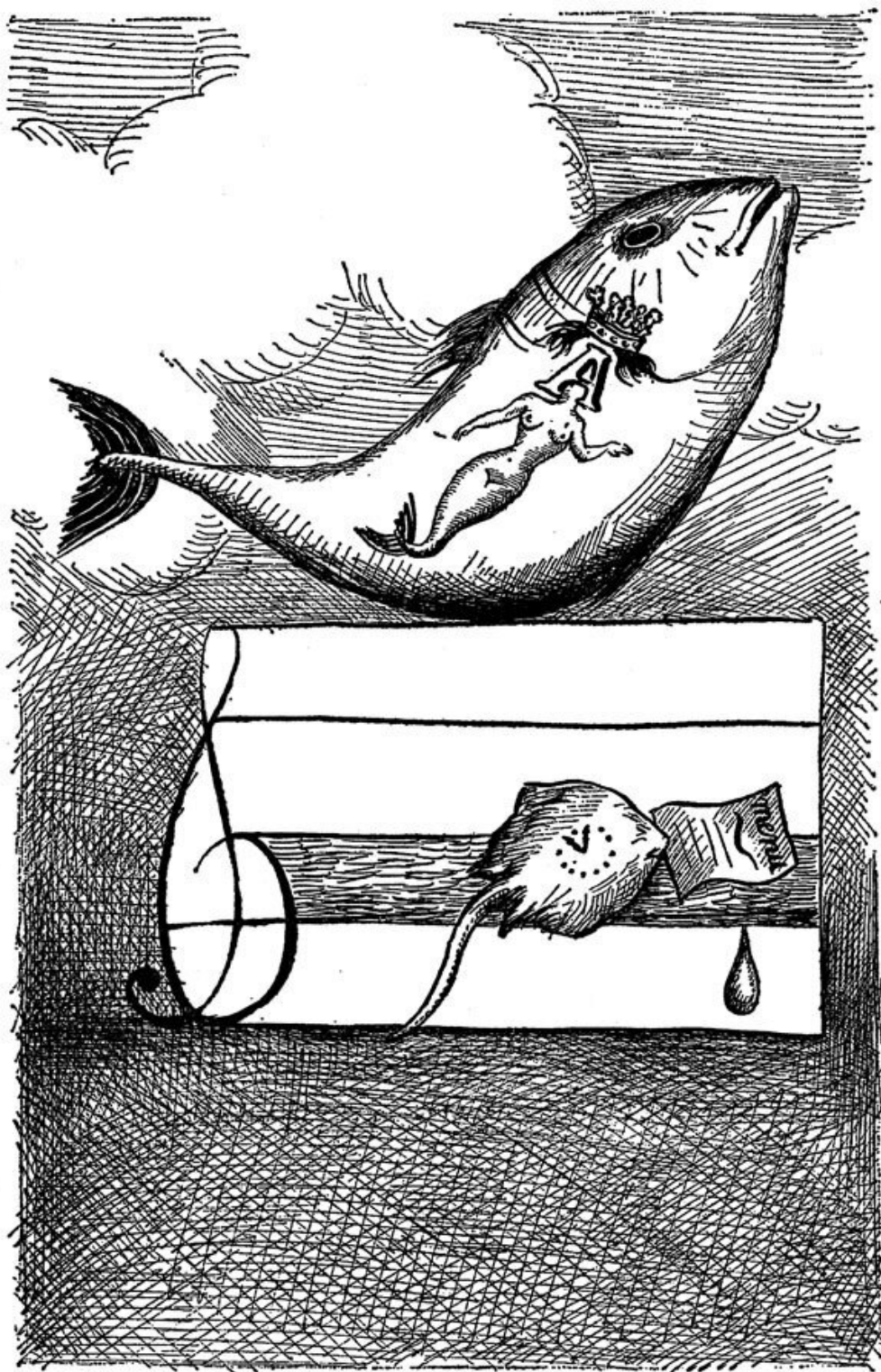
«У нее не очень выразительные глаза, особенно если жарить во фритюре. Однако ничто не может сравниться с жирным и нежным мясом южной русалки, прославившей озера, где она водится, и по праву считающейся украшением любого стола. Южную русалку, снискавшую уважение своей изысканностью и отменным вкусом, можно встретить повсюду, но везде она будет редкостью. Самые отборные особи плавают в озерах парка Бют-Шомон и Булонского леса. Ее средний вес – пятьдесят четыре килограмма. В отличие от прочих русалок, у нее стройное тело, аккуратная головка и острый носик. Окраска клетчатая, кожа нежная и гладкая. Редкие тонкие чешуйки повар обычно не счищает. Южная русалка – блюдо с трудом уловимое. Вот его рецепт.

Напичкайте южную русалку таблетками, затем напизгуйте ее вареными трюфелями и положите в сотейник с мелко нарезанными овощами. Добавьте сливочного масла, сдобрите специями, прикройте ломтиками сала и залейте до половины емкости красным бордо. Кипятите в течение десяти минут. После этого протрите через сито мякоть бедра русалки. Сделайте подливку из муки, слегка обжаренной в масле, смешайте ее с пюре из бедра и томите на небольшом огне двадцать минут. Подавайте с четырьмя „наполеонами“, украшенными перигорскими трюфелями, причем разместите их попарно с каждой стороны блюда. Между „наполеонами“, согласно уставу, положите рагу из молоки, трюфелей и грибов – и у вас получится изумительное блюдо.

Не менее удачна южная русалка, утомленная в белом вине. Некоторые гурманы предпочитают русалочий бульон либо с английским крокетом, либо в седле барашика. Чрезвычайно хороша нафаршированная по горло русалка, вся по уши в арифметике. К телу пришить головку (для красоты). Южная русалка украсит любой соус. Обжарьте ее на гриле и подайте с рагу из ушек белых мышек – пальчики оближете! Она восхитительна с тонким слоем плесени. Она обожает нежиться в кокотнице в парах хорошего бордо, обливаясь горячими слезами и вдыхая ароматы репчатого и зеленого лука, петрушки, шалфея, тимьяна, эстрагона и лаврового листа. Пожилую и полнеющую русалку, а также прыгучую русалку-малька советую подрумянивать до готовности под изящно наброшенной шубой. Предварительно замариновав ее в розовом орлеанском уксусе с тимьяном, мускатным орехом и лавровым листом, слегка припудрить мукой и выложить на горячую сковородку. Обжарив, выбросить в отстойник вместе с яйцами, обваленными в муке, так, чтобы каждая порция приобрела золотистый оттенок.

Посыпать южную русалку мелкой поваренной солью, украсить икринками, яйцами и пучками петрушки – и ваши гости будут в восторге. Попробуйте дивную мякоть южной русалки, замечательно сочетающуюся

с десертным сотерном. Однако для лучшего усвоения избегайте смотреть ей в глаза, покрывшиеся при обжаривании золотой пленочкой: загадочное выражение этих глаз напомнит вам смущающий и смутный взгляд египетских мумий. Лучше помолитесь за упокой ее души, а заодно и своей собственной».

Ангина перевела дух и подбежала к кастрюльке, где пенно кипела вода.
– Ну и в чем волшебство? – спросил Джонатан. – Что это значит?

– Ничего особенного, лишь то, что яйцо сварилось вкрутую. Ешьте. Потом скажите, как получилось.

Она вынула яйцо из кастрюли и положила в стаканчик. Затем на столе появились хлеб и пачка масла.

– Если я правильно понял, текст, который вы мне только что прочли, годится исключительно для того, чтобы отмерить время, необходимое для варки яйца вкрутую?

– Правда чудесно? И часы не нужны. Достаточно письма.

Один великий волшебник подарил его моему папе Королю.

– А где Канцлер? Он получил деньги?

– Нет, еще не начислили. Он пошел продавать обручальное кольцо.

– Он женат?

– Конечно. У него даже есть дети. По-моему, штук двадцать. И все больные. А жена у него очень богатая, и у нее много мужей.

– А Королева, ваша матушка?

– Как? Вы не знаете, что злая Гужина превратила Королеву в зеркальный шкаф и она путешествует с нами в грузовике, накрытая самым красивым чехлом? Чехол я снять не могу, потому что не полагается видеть королеву голой.

– А где живет ваш дядюшка? Далеко?

– Не очень-то близко, если мы до сих пор до него не доехали.

Ангина разгребла кучу вещей, чтобы добраться до кроватной тумбочки, и открыла ее. Внутри рядами стояли консервные банки. Ангина вытащила одну из них и сосредоточенно по ней постучала.

– Слава богу, красные рыбки живы! Когда они созреют, мы их соберем. А пока еще рано. От зеленых живот болит. Сбор красных рыбок проходит очень весело. Юноши и девушки поют и пляшут. Всех рыбок высыпают в большие чаны и топчут их ногами, чтобы они дали сок. Только надо быть аккуратнее с косточками. Потом ночь напролет все пьют рыбий сок. Хотите послушать стихотворение?

– Если волшебное, то хочу. Яйцо было вкусное.

– Это волшебное стихотворение. Оно обладает силой пробуждать тех, у кого сна ни в одном глазу. Не возмущайтесь: здесь нет рифм.

Когда радуешься, кричишь: «Здорово!»

Когда больно, кричишь: «Ай! Болит!»

Когда что-то нравится, кричишь: «Браво! Бис!»

Когда нужно кого-то позвать – «Эй! Сюда!»

Когда приказываешь, кричишь: «Стой! Хватит! Вперед!»

Когда хочешь тишины, кричишь: «Тихо!»

Когда с души отлегло, кричишь: «Уф!»

Когда хочешь передать какой-нибудь звук – «Пиф! Паф! Бац! Бабац!»

– Трогательное стихотворение. Пока ты читала, мне казалось, что болят обе лодыжки.

Тут появился пошатывающийся Канцлер. В руке у него висела авоська, набитая бутылками с вином.

– Принцесса, бежим! В городе я наткнулся на множество врагов. Кольбертов гонится за нами по пятам, Гужина неподалеку. Назревает восстание. Едем отсюда!

Он потерял равновесие и упал навзничь.

– Ты сможешь вести машину, бедненький Канцлер?

– Я сумею себя превозмочь. Залезайте в кабину, мы потеряли слишком много времени.

После нескольких безуспешных попыток ему все-таки удалось встать на ноги. Джонатан вмешался в разговор:

– Они только этого и ждут!

– Что вы имеете в виду?

– Если они вас выследили, то будут продолжать слежку. Лучше притвориться, что мы их не замечаем, и в нужный момент самим смыться.

– Твое мнение, Маркиз?

– Неплохая идея. Так поступил когда-то мой предок во время битвы при Ванипапаре. Он стоял во главе отряда, за которым гнались превосходящие его силы Славомира Утицы. Устав улепетывать, мой предок сдался и ни на минуту об этом не пожалел! Война закончилась миром и согласием. Поскольку мы остаемся на месте, я пойду. Я должен лично проследить за развитием событий. До скорого.

И Канцлер отошел, птясь, под сочувственным взглядом Ангины.

– Несчастный де Витамин! Он так устал и, наверное, страдает от ран.

– Он ранен?

– Конечно! Однажды выпустили лотерейные билеты с его портретом. А полосочка с выигрышем, где надо стирать, пришлась как раз на то место, где была шея, и ему отрубили голову. Хорошо еще, что у него крепкий организм! У меня кроме него никого нет. Если бы он ушел, остальные быстренько меня бы обчистили.

– Давно вы потеряли отца?

– Нет, всего сто лет назад. Мы назначили встречу, а я, к сожалению, забыла, где и когда. Хотя если в кафе, то он может что-нибудь заказать, пока я не приду.

Она взялась за подол юбки и принялась искать дырку в подпушке. Найдя ее, Принцесса двумя пальцами достала оттуда свернутый в трубочку листок бумаги. Тщательно расправив его, она протянула листок Джонатану.

– Можете прочесть, там нет ничего личного.

Тот поправил подушку под головой и прочел вслух:

«Дорогая Ангина, недавно я выяснил некоторые вещи, которые тебе надо будет рано или поздно узнать. Именно с этой целью я доверяю настоящее письмо Витамину. Он вручит его тебе, когда сочтет нужным.

Дорогая Ангина, Деда Мороза не существует. Это я подкладывал игрушки тебе в ботиночки, а не он. Хотя тогда я думал, что он есть, и хотел избавить его от лишней работы. Прости за то, что говорил тебе неправду.

И мышки тоже нет. Во всяком случае, это не она меняла твои молочные зубки на подарки, которые клала в тайник.

Дорогая Ангина, дети появляются на свет не в капусте, и аист их не приносит. Я так считал, потому что мне довелось однажды найти в капусте маленького мальчика, а один раз я видел, как девочку нес аист. Но мне потом объяснили, что такое случается очень редко и я был единственным очевидцем произошедшего. Мне растолковали, что обычно дети растут в животе у матери. Мне это до сих пор кажется невероятным, хотя один университетский профессор все подтвердил.

Помимо плохих новостей, у меня есть для тебя все же одна хорошая. Наконец-то я узнал, что представляет собой смерть, о которой так много судачат. Это нечто вроде пирожного, напоминающего корзиночку с кремом или пирог с клубникой. Говорят, у него совершенно особый вкус.

Обнимаю тебя очень аккуратно, чтобы не испачкать.

Твой папа».

– Вы уже пробовали пирожное, о котором пишет отец?

– Я никогда не был таким сластеной, – ответил Джонатан.

Глава четвертая

Джонатан закрыл глаза.

Слышался неясный шум города. Бесчисленные звуки самого различного происхождения сливались в хаотическую музыку, воплотившую Лурд. Можно было услышать церковный хор, молитвы, проповеди, голоса, колокольный звон, шуршание шин по мостовой, автомобильные гудки, смех, болтовню разносчиков.

Трудно было определить время суток, поскольку дневной свет не проникал внутрь грузовика. Единственная дверца была закрыта. Множество стенных часов не проясняли ситуацию, так как вопреки здравому смыслу били каждые десять минут. Судя по всему, день клонился к вечеру.

– Вы человек образованный?

Джонатан открыл глаза. В свете электрической лампочки Ангина казалась нежнее, а веснушки не так привлекали внимание. Она выглядела милой и менее неотразимой.

– Вы ведь много чего повидали?

– В основном я болел.

Ангина раздраженно дернула плечиком.

– Ну вот. С вами невозможно вести беседу. Вы нарочно отстаиваете идиотские суждения, чтобы вас пожалели.

И всем весом она резко уселась на лодыжку Джонатану. Зрачки юноши увеличились в два раза. Он вытянул губы и пронзительно свистнул.

– Что с вами?

– Это чтобы не закричать: ведь вы плюхнулись мне на ногу. Когда я вспоминаю этот прием, он всегда действует. Не соизволите ли приподняться, а то я сейчас потеряю сознание.

– Как вам угодно, не стоит драматизировать. У вас нет нервной системы, это вам только кажется, что есть. Вот и все. Пойду приготовлю вам воду, чтобы вы ноги попарили. И чтобы выманить красных рыбок, а то им наскучило торчать в консервных банках. А когда им становится скучно, они способны на гадости.

– Если можно, теплую.

– Единственное, что я могу пообещать, что рано или поздно она остынет. Не перепутайте красных рыбок с мылом. Однажды Канцлер так старательно тер спину, что у него в руках остался один рыбий скелет, сам он разодрал себе тело и стал вонять еще ужаснее, чем до мытья.

– Я учту.

Он с наслаждением опустил ноги в теплую воду. Ангина одну за другой открывала банки тунца в масле и опрокидывала их в тазик. Джонатану удалось вытащить оттуда левую ногу, но на большую правую, всю в масле, все-таки налипли кусочки тунца.

– Какие-то бледненькие красные рыбки, – констатировала раздосадованная Ангина. – В томатном соусе они выглядят лучше. Она отправилась выкидывать содержимое тазика, а Джонатан, припадая на ногу, попытался встать.

– Я почти вылечился.

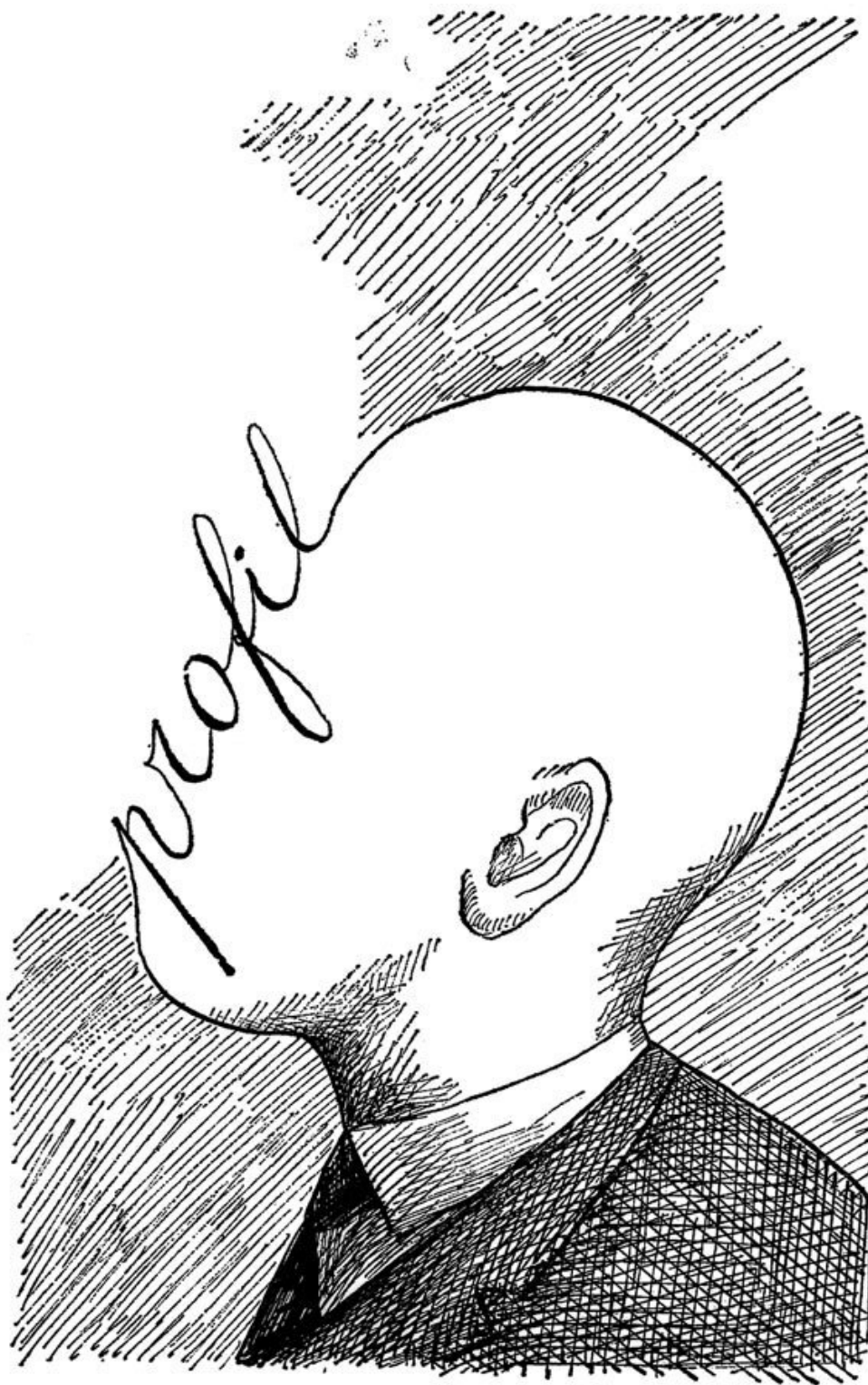
– Скоро вы сможете ходить и уйдете. Слава богу! Наконец-то!

– Почему вы так говорите? Вы действительно хотите от меня избавиться?

– Вы совершенно не мой тип мужчины. Абсолютно. Вы – мокрая курица, постоянно хнычете. Мне нравятся мужчины со шрамами, с бородой и которые дерутся на дуэли. А вы весь какой-то гладенький.

– Не везде.

– Когда вы раздетый, вы, наверное, напоминаете зеркало. А мне нравятся настоящие мужчины, похожие на обезьян.

- Любопытно. А как выглядит ваш знак?
- Как «У» краткое.
- Почему?
- Потому что такое движение вы делаете указательным пальцем, когда говорите «ни за что», а запятушка наверху, чтобы отличать его от обычного «У».
- Напишите мне любую фразу по вашей системе.
- Например: «Я вас люблю У».

- Когда вырастете, вы, вероятно, станете лингвисткой!
 - Пока я просто принцесса. И в этом есть много преимуществ. А знаете, что вы только что сделали?
 - Нет.
 - Смотрите.
- Ее пальчики забегали по клавишам.

Вы прикурили сигарету
Вы курили сигарету
Вы курили сигар
Вы курили си
И остался один окурок.

Джонатан захлопал в ладоши:

- Еще!
- Я напишу вам балладу о склеротике:

Я все на свете помню
Я все на свете
Я все на
Я все
Я ?

Вот такая баллада о склеротике. А вот еще:

«Разумеется, бывает дым без». Поняли? А это:

«Маленький Мортимер утooooooooоонул в речке».

- А зачем столько «о»?
- Это не «о», это пузыри! Смотрите:

«НЕСАМОЛЕТБО»

Что означает «в небе самолет». А такую историю знаете?

«Мяч скатился с тропинки, трпоинки, трпионки, трпиноки, трпинкой, трпинкио, трпинки.....о».

- Видно, что вы очень наблюдательная! Вы любите всякие мячики?
- Люблю, но у меня их – 0. А вы когда-нибудь были свидетелем, как «Пострадав бежит за грабителемший»? Это стихотворение сочинил Канцлер.
- А он тоже пишет?
- Да. Исключительно стихи. И все посвящены мне. Хотите, прочту?

– С удовольствием.

– «С хлопьями „Ангина“ вы моментально приготовите тысячу разных изысканных блюд: тающие во рту крокеты, воздушное суфле, аппетитную запеканку. С „Ангиной“ любое застолье превратится в праздник». Ну как?

– Я бы хотел услышать что-нибудь еще.

– Пожалуйста: «Свежесть нежных тонов... „Ангины“ украсит и подчеркнет ваше очарование. Белый, розово-серый, нефритовый, морской волны. В отделах „Весны“ и других специализированных магазинах». Это его раннее стихотворение, так называемого «периода нижнего белья». А следующее относится к «периоду моющих средств»: «Теперь вы можете не волноваться, если ребенок извозюкал вашу раковину грязной мордашкой. Пройдитесь „Ангиной“, и раковина засверкает как новенькая: 100 % победа над микробами. А запах! Аромат свежевымытого пола! Пользуйтесь „Ангиной“ в труднодоступных местах, и вы перестанете болеть. Не чисто, а ослепительно чисто!»

А теперь другое, более позднее, стихотворение «панического периода»:

ДОКАЗАНО НАУКОЙ?

ПРИ АНГИНЕ

- ВОСПАЛЯЕТСЯ слизистая,
- ПРОПАДАЕТ аппетит,
- РАССТРАИВАЕТСЯ желудок,
- ЖЕЛТЕЮТ зубы,
- ЗАТРУДНЯЕТСЯ дыхание,
- СМОРЩИВАЕТСЯ кожа,
- УХУДШАЕТСЯ зрение,
- НАРУШАЕТСЯ сон,
- АТРОФИРУЕТСЯ память,
- ПОРТИТСЯ характер,
- СЛАБЕЕТ воля,
- ПОЯВЛЯЕТСЯ тяга к спиртному,
- УСТАЕТ сердце,
- ВОЗНИКАЮТ признаки рака,
- ПРИТУПЛЯЕТСЯ желание...

ВЫ СТО РАЗ СЛЫШАЛИ ЭТО ОТ РАЗНЫХ ВРАЧЕЙ, НО ВЫ
ВСЕ РАВНО ЕЕ ЛЮБИТЕ.

– Я и не подозревал, что вы настолько опасны, – проговорил Джонатан.

– Это же только стихотворение. Можно сказать что угодно, главное – поэзия. Канцлер сочинил больше тысячи стихотворений. Вот, скажем:

«У вас нет Ангины? Тогда мы идем к вам!»

«Ангина – свежее решение!»

«Имидж – ничто, Ангина – все!»

«Ангина изменит жизнь к лучшему!»

«Любимая Ангина – для своих, любимых!»

Какая жалость, что Канцлер ушел, а то он бы вам их спел. Он прекрасно поет. Боже, куда он запропастился? Наверное, попал в руки Гужины! Или Кольбертова! А те с него семь

шкур содрали. Вот беда! А может, он просто в плену? Или сидит на скамье? А он ненавидит скамейки!

Она встала в трагическую позу на крышке футляра от пишущей машинки.

– Если он заговорит, мы пропали! Но нет, он будет защищать Королевскую Казну до последней капли. Не промолвит ни слова. Благодарю тебя, о Канцлер. Жалую тебя в Герцоги.

Герцог де Витамин звучит лучше, чем Маркиз.

– А меня каким титулом наградите?

– Никаким. Вы не узник, не пленник, не мученик, не обезглавленный. Мой несчастный Канцлер! Я не оставлю тебя. Мужайся, я иду! С наступлением ночи я полечу к тебе на помощь!

– Девочкам не полагается выходить из дому после определенного часа.

– Вероятно, вы забыли, Джонатан, что эта девочка – Принцесса.

– Если я не вспомнил, то и остальные могут запомнить. Я провожу вас.

– С больной ногой?

– С больной ногой.

Ангина бросилась на шею Джонатану и расцеловала его в обе щеки.

– Нарекаю вас Главным Палачом Королевства, – провозгласила она, закатив глаза в знак признательности.

Глава пятая

Спустились сумерки, и две тени украдкой выскользнули из слона. Ангина поддерживала Джонатана, стонавшего при каждом движении. Навстречу им двигался какой-то человек. Когда его осветил свет фонаря, оказалось, что у человека нет носа.

– Милейший, вы случайно не видели моего Канцлера, Герцога де Витамина?

– А вам, молодые люди, нос мой случайно не попадался?

– Нет, сударь. Хотите, пойдемте с нами, глядишь, обе пропажи и найдутся.

Человек согласился, и они зашагали вместе. Они прошествовали мимо темных переулков, где в тишине сновали смутные силуэты. В проеме ворот возник судья в мантии.

– Господин Председатель, вы случайно не видели моего Канцлера, отважного Герцога де Витамина?

– А вы мою Библию не видели, дети мои? Досадно, но с тех пор, как я ее потерял, моим свидетелям не на чем присягать.

– Нет, господин Председатель. Присоединяйтесь, может быть, все, что мы ищем, лежит в одном и том же месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.